

ВАРВАРА

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ МЕДВЕДСКИХ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

18+

Ульяна Соболева

Варвара. Последняя из Медведских

<https://litres.ru/74331022>

SelfPub; 2026

Аннотация

Варвара — последняя наследница древнего рода Медведских. В её крови живёт сила, которую враги много лет пытались уничтожить, а рядом с ней идёт зверь, признающий только одну хозяйку.

Когда над родными землями нависает новая угроза, Варваре приходится принять наследие предков и вступить в борьбу, к которой её готовила сама судьба.

Но на её пути появляется мужчина, которому нельзя доверять. Он слишком много знает о гибели Медведских и слишком настойчиво пытается защитить последнюю представительницу рода.

Теперь Варваре предстоит понять, кто он: союзник, враг или человек, которому её сердце принадлежало задолго до их встречи.

Аннотация предварительная: рукописи у нас нет, поэтому я опиралась на жанр боярского фэнтези и утверждённые образы Варвары, медведя и мужчины.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	43
Глава 6	57
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Ульяна Соболева Варвара. Последняя из Медведских

Варвара.

Последняя из Медведских

Ульяна Соболева

Глава 1

Сорок пять градусов жары, гул толпы, запах пота, дорогого пластика и рекламных напитков, обещающих восстановить баланс электролитов, а на деле вызывающих изжогу и сомнительные мысли о смысле жизни. В глазах слепящие прожектора, в ушах рефери, выкрикивающий счёт с безразличием автомата для выдачи талонов в поликлинике. Всё как всегда. Всё, как должно быть. Я чувствую мяч, я чувствую корт, я чувствую, как мышцы напряжены, словно натянутая тетива. В этом мире всё просто: удар — движение — победа. Ни лишних слов, ни лишних людей. Теннис — это дуэль, и пусть у меня в руках не клинок, а ракетка, сути это не меняет.

Противница напротив — жёсткая, быстрые ноги, сильная подача. Но я быстрее. Всегда была быстрее. Я знаю, когда она подаст, знаю, куда побежит, вижу это в долю секунды раньше. Это опыт. Это интуиция. Это, возможно, какой-то звериный инстинкт, но плевать. Её подача — и я уже там, резкий рывок, удар, резонанс в запястье, лёгкий хруст струн, и мяч летит точно в линию, раскручиваясь так, что даже воздух визжит от боли. Гейм, сет, матч. Варвара Морозова выигрывает, толпа ревёт.

Но я не слышу. Потому что в ту же секунду понимаю, что с ногой что-то не так. Вскидка взгляда вниз — не надо, не смотри, но слишком поздно. Колено, этот жалкий кусок пло-

ти и хрящей, решило, что на сегодня хватит. Оно кричит мне об этом яркой вспышкой боли, и я понимаю, что лечу вниз. Всё происходит слишком быстро, но в то же время растягивается на вечность: белая форма, облитая потом, жёсткий корт, который неожиданно встречает меня так, будто его покрыли каменной кладкой.

Стук сердца оглушает. Зрение плавает, в ушах белый шум. Я пытаюсь встать, но тело больше не слушается. Где-то наверху мелькают тени врачей, кто-то кричит моё имя. Варвара Морозова, номер один, чемпионка, хищница корта. Лежит на земле. Беспомощная. Впервые за всю свою чёртову жизнь.

Толпа, кажется, аплодирует. Только уже не мне.

***

Просыпаюсь от ощущения, будто меня закатали в бетон и забыли подписать, где верх, а где низ. Голова гудит, словно внутри неё поселился маленький, но очень амбициозный кузнец. Ноги ватные. Не в том смысле, что плохо слушаются, — я их вообще не чувствую. Будто отрезали и забыли положить обратно.

Белый потолок давит на сознание. Дешёвые больничные стены пахнут антисептиком и чем-то безнадёжным. Из коридора доносится мерное "пик-пик" капельниц, шаги вялых медсестёр, кто-то чешет горло, кто-то орёт, что у него больничный борщ хуже, чем в армии. Где-то там, в другой жизни, которая ещё вчера была моей, люди живут, работают, бегают

по корту, играют в теннис, выигрывают турниры. А я лежу. Как труп, только без права окончательно сдохнуть.

В дверь входит врач. Среднего возраста, с лицом человека, который уже не переживает за своих пациентов, потому что за столько лет привык к тому, что человеческие тела ломаются, а человеческие судьбы ещё чаще. У него в руках планшет, в глазах печать приговора. Я уже знаю, что он скажет. Ну давай, доктор, развлеки меня, может, хоть удивишь.

— Разрыв крестообразных связок, — сообщает он, даже не попытавшись сделать голос помягче. Видимо, в курсе, что у спортсменов кожа толстая. Или просто думает, что мне уже всё равно.

Я щурюсь, пытаюсь пошевелить ногой, и тут же от этого желания хочу завывать, потому что боль пронзает меня, как разряд электричества, через всё тело, во все кончики нервов, прямо в мозг. Чёрт. Если бы в аду раздавали медали за самые глупые поступки, я бы прямо сейчас получила золото.

— Ты восстановишься, но... — Врач делает паузу, слишком длинную, слишком многозначительную, слишком ту, что я ненавижу.

Не надо, доктор. Я знаю это "но". Это всегда одно и то же "но".

— ...о спорте забудь. Колено больше не выдержит больших нагрузок.

Он произносит это ровно, спокойно, но мне кажется, что это просто эхо. Это не может быть со мной. Это должно быть

с кем-то другим. Врач, наверное, ошибся палатой, с кем не бывает. Сейчас он посмотрит в свои записи, хлопнет себя по лбу и скажет: "Ой, да у вас просто растяжение, вот мазь, вот бандаж, и через месяц будете бегать быстрее, чем гепард на стероидах".

Но он молчит. Не смеётся. Не хлопает по плечу. Просто смотрит.

Всё.

Финальный свисток.

Конец матча.

Я молчу. Внутри пустота.

Журналисты хотят комментариев. Им мало того, что я уже дала представление на корте — с эффектным падением, драматической гримасой боли и выносом на носилках, как героя, что пал на поле боя. Они жаждут подробностей. Как я себя чувствую? Какие у меня планы? Не страшно ли было осознавать, что жизнь разделилась на "до" и "после"? Да плевать мне на ваше "после". Всё, что после, меня не интересует. Нет ничего после. Я же помню, что такое жизнь — гул трибун, звук мяча, удар, движение, победа. Всё было просто. Была цель. Была я. Теперь я не знаю, кто я.

Фанаты пишут слова поддержки, и это даже хуже. Кто-то выкладывает наши старые фотки, кто-то клянётся, что будет верить в моё возвращение, кто-то слёзно благодарит за великие матчи. Спасибо. Правда. Только на фиг мне их благодарность, если у меня больше нет тенниса? Я смотрю на свои

кубки, медали, чемпионские ленты — они стоят на полке, идеальные, блестящие, но теперь это просто металл и стекло. Символы побед, которых больше не будет. Декорации прошлого, которое не вернётся.

Телефон разрывается от звонков. Тренер. Агент. Друзья. Или, точнее, те, кто был со мной, пока я побеждала. Я не беру трубку. Не хочу слышать ни соболезнований, ни пустых обещаний, ни мерзкого, липкого: «Мы что-нибудь придумаем». Не придумаем. Всё уже придумано. Я — чемпионка в отставке.

Ночь. Тишина. Одиночество. Я лежу в темноте, и впервые за всю жизнь у меня нет плана. Нет пути вперёд. Никогда раньше не было страха. Но сейчас он сидит рядом, ухмыляется и шепчет: «Ты больше никто».

Спустя месяц я выхожу из дома. На ноге ортез, и я похожа на робота. Выхожу не потому, что надо или захотелось, а потому, что иначе останусь в четырёх стенах навсегда — в собственной голове, в безвременье, где дни сливаются в одно бесконечное «зачем».

Я бреду по улицам без цели, без мысли, без маршрута. Люди идут мимо, машины гудят, дети кричат, собаки радостно бегают туда-сюда, как будто мир не рухнул. Как будто моя карьера не закончилась. Как будто кто-то вообще заметил, что я сломалась и развалилась на части. Вот эта тётка с авоськой — ей вообще плевать, что у меня в душе? Этот парень, разговаривающий по телефону, эта бабка, кормящая голу-

бей? Конечно, плевать. У всех своя жизнь, свои заботы, и мой личный конец света не входит в их расписание.

И вдруг замечаю вывеску: «Музей старинного оружия». Кто вообще додумался открыть это бессмысленное заведение посреди современного города? Надеюсь, там есть меч, которым можно разрубить этот мир и построить новый — тот, где меня снова поставят на ноги и вернут в спорт. Я сама не понимаю, зачем захожу. Наверное, просто хочу ненадолго уйти от себя и своих мыслей.

Внутри тихо, как в склепе. Полумрак. Запах старого дерева, лака и металла. Эхо шагов звучит глухо, как будто даже стены знают — сюда приходят люди, которым больше некуда идти. Я брожу между витринами, не читая таблички, не вникая, не глядя по сторонам. Просто иду, как сомнамбула, провожу пальцами по стеклу, даже не осознавая, что именно передо мной.

И тут останавливаюсь.

Передо мной — меч.

Старый, потемневший от времени, тяжёлый, как сама судьба. На гарде — бурый медведь, выгравированный с удивительной тщательностью. Клыки оскалены, глаза кажутся живыми.

Сердце пропускает удар.

Где-то в груди что-то сжимается.

Этот символ...

Почему я знаю его?

Меч выглядит так, будто пережил не одну войну и не одну измену. Лезвие тусклое, металл потемнел, но всё равно кажется прочным, как сама вечность. На гарде бурый медведь — лапы мощные, пасть приоткрыта в беззвучном рёве. Клыки острые, как будто этот зверь может вцепиться прямо мне в горло, если слишком приблизиться.

Я наклоняюсь ближе, и мне на секунду кажется, что гравировка движется. Или мне просто хочется так думать? Будто медведь шевельнул мордой, как если бы почувствовал мой взгляд. Сердце стучит громче. В груди расплзается странное ощущение, как будто я забыла что-то важное. Или вспомнила, но слишком поздно.

Мир вокруг размывается. Витрины мерцают, словно покрытые ледяной коркой, воздух становится густым и вязким, как мёд. Я чувствую, как пальцы тянутся вперёд, без моего разрешения. Без осознанного движения. Как будто что-то внутри меня давно знало, что этот момент случится. Как будто я должна это сделать.

Кончики пальцев касаются металла.

И мир взрывается.

Резкая вспышка — белый свет режет глаза, прожигает сетчатку, проходит по венам, прожигая каждую клетку. Меня обдаёт волной холода, настолько леденящего, что кажется — сердце сейчас встанет. А потом боль. Мгновенная, как удар хлыста, безжалостная, как гильотина. Не боль в теле — боль в самой сути. Как будто кто-то вырвал меня из моего мира

с корнями, с мясом, без предупреждения и права на последние слова.

Я даже не кричу. Нет воздуха.

А потом — тьма.

Абсолютная, бездонная, хищная. Чёрная бездна.

Я падаю. Но уже не в этом мире.

Глава 2

Сначала пустота. Огромная, всепоглощающая, тяжёлая, как вода, которая затягивает на дно, как чёрное небо без звёзд. А потом — боль. В черепе, в висках, в груди. Тупая, глухая, как будто по голове прошлись кувалдой и оставили напоминание о себе. Я пытаюсь вдохнуть, но внутри только гул — эхо, чужие голоса, обрывки фраз, смыслы, которых я не понимаю.

Я открываю глаза — и мир взрывается.

Слишком ярко, слишком чётко, слишком неправильно. Лес нависает надо мной чёрными громадинами, ветви раскачиваются на ветру, скрипят, будто живые. Я вижу каждую линию коры, каждую каплю воды на листьях, вижу, как в траве копошится жук, вижу слишком много. Зрение цепляется за мелочи, детали, которые я не должна была замечать.

Слух тоже не мой. Я слышу лес. Совсем не так, как раньше — не фоновый шум, не просто шелест листвы. Я слышу дыхание под корягой, слышу, как копыта стучат по сырой земле где-то далеко, слышу, как трескается сучок за пару десятков шагов отсюда.

Я с трудом поднимаюсь — и тут же понимаю, что тело мне не принадлежит. Нет, оно вроде бы моё, но двигается иначе. Я привыкла к своим мышцам, лёгкости и силе. Здесь всё слишком точно, мышцы отзываются слишком быстро, как

натянутые струны. И колено... оно не болит. Обе ноги сильные, упругие.

И ещё.

Я чувствую непривычный вес и силу. Провожу ладонью по предплечью: мышцы жёсткие, будто это тело годами работало с оружием. Я тренировалась с ракеткой, но мои мышцы были другими.

Я оглядываюсь. Лес. Высокий, сырой, древний. Запахи насыщенные, сильные, гулкие. Смола, трава, прелые листья. Но нет запаха бензина, нет металла, нет людей, нет даже намёка на то, что я могла бы знать. Я с трудом делаю вдох, но лёгкие не принимают этот воздух. Чужой.

Но самое страшное — сердце.

Оно стучит глухо, глубоко. Слишком сильно. Не моё.

Я зажимаю ладонь на груди, будто могу его остановить, замедлить, заставить биться как раньше, но оно не слушается.

Чужое.

Я моргаю.

Что-то пошло не так.

И в следующую секунду я понимаю, что больше не та, кем была.

Лес... Он не просто есть — он смотрит. Давит тяжестью вековых деревьев, смыкается над головой, тянется ветками, как лапами. Земля под ногами мягкая, пружинит, но не так, как должна. То ли слишком легко, то ли слишком тяжело.

Как если бы я не шагала, а кралась.

Я не знаю, куда иду. Вперёд. Просто вперёд. Потому что если остановлюсь, то придётся думать. А думать — страшно.

Воздух пахнет сыростью, мокрой листвой, смолой и... чем-то ещё. Необычным. Густым, тёплым, металлическим. Запах заполняет лёгкие, скручивается в животе тугим узлом.

Кровь?

Откуда я знаю, что это кровь?

Сердце стучит глубоко, глухо, как если бы билось не в груди, а в самой земле под ногами. И в какой-то момент я ловлю себя на том, что слышу слишком хорошо и много всего.

Не просто треск сучьев, не просто порыв ветра, а жизнь. Лес дышит, пульсирует, живёт. В корнях копошатся насекомые, где-то далеко в траве мелькает мышь, в стороне ворохается зверь — лось, не лось, что-то тяжёлое, большое.

Я не должна этого слышать.

Но слышу.

Ищу людей, но боюсь их найти. Потому что не знаю, что сказать. Потому что не знаю, кто я. Холодок пробегает по спине.

И в этот момент я слышу их.

Топот. Лошади. Мужские голоса. Оружие. Звон металла о металл. Рука тянется к бедру — и тут же замирает.

Какого чёрта я хотела там нащупать?

Меч?

Но у меня никогда не было меча.

Я прячусь за деревом, дыхание обрывается, голова пуста, только одно осознание: меня ищут.

Но кто? И почему?

Я ускоряю шаг. Потом бегу. Слишком быстро. Слишком плавно. Ноги отталкиваются от земли без усилия, дыхание ровное, лёгкое, как если бы я не неслась сквозь лес, спасая свою жизнь, а просто вышла на утреннюю пробежку. Это неправильно. Это невозможно. Мышцы не должны так работать, лёгкие не должны держать темп, сердце не должно биться так ровно. Но тело двигается само, и я даже не успеваю испугаться.

Сзади окрик. Грубый, рваный, приказной. Не друзей.

Свист.

Я пригибаюсь — и только потом понимаю, что это стрела.

Она должна была меня достать. Мне некуда было увернуться. Я даже не видела, откуда она летела. Но тело сделало это само.

Я резко разворачиваюсь, и в животе сворачивается ледяной ком. Их много. Слишком много. Они выходят из-за деревьев, приближаются, шаги тяжёлые, чёткие, уверенные. Вооружённые. У некоторых в руках мечи, у других — луки, но лица скрыты. Убийцы. Наёмники. Или хуже.

Я должна бояться. Всё внутри меня должно кричать: "бег", "прячься", "они сильнее".

Но тело не боится.

Тело хочет драться.

Они бросаются на меня, и всё происходит слишком быстро. Слишком правильно. Словно кто-то отмотал время назад и заставил моё тело вспомнить, как оно должно двигаться. Я не думаю, просто ухожу в сторону, наклоняюсь, увожу удар — и это так легко, будто я делала это всю жизнь.

Мои ноги босые, на мне какая-то рубаха, а под ней ничего. Трогаю лицо — больно. Царапина.

Первый замах — широкий, предсказуемый, грубый. Я просто двигаюсь вправо, и клинок проходит в волоске от плеча. Второй — быстрее, но ноги уже сами уносят меня в сторону, а рука вскидывается вверх, ловит запястье противника, выворачивает. Он падает на колени, я слышу хруст, крик — и не понимаю, как я это сделала. Я только что сломала ему руку.

Я никогда не сражалась, не держала меч, не уворачивалась от смертельных ударов. Но тело знает. Тело как будто помнит.

Кто-то бьёт слева — я поднимаю руку, не думая, и ладонь ловит лезвие. Голыми пальцами.

Холодная сталь, тонкий разрез через кожу, но я сжимаю, дёргаю, перехватываю рукоять. Короткое движение, подбросила, разворот — меч оказывается у меня в руках.

И в этот момент всё меняется.

Я чувствую вес, баланс, силу в каждом движении. Ноги двигаются быстрее, слишком быстро, удары точны, смертельны. В глазах появляется что-то новое — ярость, горя-

чая, тяжёлая, правильная. Как если бы в руке была ракетка. Азарт, адреналин. Как и раньше. Только теперь он другой.

Первый убитый — слишком легко.

Второй — быстрее, чем я успеваю осознать.

Третий падает на колени, зажимая распоротый живот и захлёбываясь хрипом. Мерзко. Но сейчас не до жалости. «Это уже не матч, Морозова, — бьётся в голове. — Ты только что убила троих». Либо мне снится кошмар, либо я сошла с ума.

Тишина.

Я стою среди тел. С мечом в руках. В крови. Живая.

И мне не страшно.

Тишина. Густая, живая, как тёмный мёд, заполняющий уши, вязкий, липкий, всепоглощающий. Только дыхание. Только бешеный стук сердца. Но не испуганный. Не рваный, не отчаянный. Ровный. Глубокий. Сильный.

Я медленно опускаю взгляд.

Меч в руке.

Я не помню, как взяла его. Не помню, как он оказался у меня, но пальцы сжимают рукоять точно, уверенно. Он лёгкий. Правильный. Будто был здесь всегда.

Я поднимаю его, рассматриваю. Простое лезвие, без украшений, без фамильных гравировок, без золочёных узоров. Боевой. Для работы. Для убийства. Но почему он в моей руке такой привычный?

Я должна дрожать. Адреналин должен выплеснуться в слабость, в боль, в осознание того, что только что случилось.

Я должна хотеть бросить этот меч, отшатнуться от крови, ощутить весь груз содеянного.

Но я не дрожу.

Я не боюсь.

Я дышу. И мне... хорошо?

Нет. Не то слово. Правильно.

Кожу по спине холодит странное чувство. Как если бы кто-то положил ладонь мне на затылок, но не касаясь. Как если бы взгляд был настолько тяжёлым, что ощущался физически.

Я не слышу шагов. Не чувствую движения.

Но знаю.

Кто-то здесь.

Из тишины донёсся бархатный, ленивый, почти ласковый голос:

— Для княгини ты слишком живучая.

Я медленно поворачиваюсь.

И встречаю его.

Глава 3

Лес молчал.

Не потому, что наступила тишина. Не потому, что утихли звуки боя. Просто что-то изменилось. Как если бы сама земля затаила дыхание. Как если бы деревья перестали шептаться, а звери прижались к норам, почуяв, кто пришёл.

Я медленно подняла голову.

Он стоял в нескольких шагах, опираясь на ствол старого дуба, с ленивым равнодушием наблюдая за мной. И я заигравшийся щенок, который вдруг обратил внимание на волка. Будто результат схватки уже был решён, и я об этом просто ещё не знала.

Первое, что бросилось в глаза, — он слишком расслаблен. Ни напряжённой стойки, ни руки на рукояти меча, ни готовности к удару. Только лёгкая ухмылка, уголки губ чуть дёрнулись вверх, но в глазах усмешки не было.

Глаза.

Они были тёмные. Не просто карие, не просто чёрные, а как полночное небо без луны, как омут, в котором не видно дна. Глаза человека, который давно ничего не боится.

Высокий. Широкие плечи, длинный плащ из тёмной ткани, наброшенный небрежно, больше для вида, чем для тепла. На ногах крепкие сапоги, на поясе кинжалы, явно не декоративные. Длинные тёмные волосы собраны в небрежный

хвост, но несколько прядей выбились и цепляют висок и скулу.

Он выглядел так, как выглядят люди, которые знают себе цену. Которые не торопятся, не суетятся, не кричат. Люди, которым не надо доказывать, что они сильнее.

Я вдруг поняла, что до этого мгновения во мне ещё оставался страх. Остаточный. Глухой. Беглый, на кончиках пальцев.

Но теперь его не было.

Теперь было только понимание.

Передо мной стоял не человек.

Передо мной стояла угроза. И мне некогда думать кто я теперь и как здесь оказалась. Некогда. Я снова в строю. Только теперь это не корт — это моя жизнь.

Эта угроза смотрела прямо мне в глаза.

Мы стояли, глядя друг на друга, и тишина вокруг становилась тяжелее. Как воздух перед грозой. Как первый выдох перед боем.

Я должна была что-то сказать. Сделать шаг назад. Сделать что угодно.

Но он не двигался.

Не поправлял оружие. Не менял позу. Даже не пытался выглядеть угрожающе. Просто ждал.

Я моргнула.

Никакой растерянности, никакого интереса, даже злорадства в его лице не было. Только это ленивое ожидание, как

будто я — не противник, не жертва, не добыча.

Как будто я — ответ на загадку, которая его не особенно волнует.

— И кто ты, чтобы давать оценки? — спросила я, удивившись, насколько спокойно звучит голос.

— Тот, кто не любит смотреть, как хороший товар портится, — усмехнулся он.

Товар?

Я не вздрогнула. Просто замерла.

Где-то на границе сознания скреблось злое, колючее чувство, похожее на рычание. Тело не испугалось. Оно оцетинилось.

— Ты странно ведёшь торг, если думаешь, что мне понравится сравнение с вещью, — ответила я и сжала пальцы на рукояти меча.

Его взгляд скользнул вниз, туда, где лезвие ещё блестело чужой кровью.

И он улыбнулся.

Улыбка была чистой насмешкой, но без издёвки. Просто как если бы он что-то понял быстрее меня.

— Уже поздно думать о том, нравится ли тебе. Теперь это не имеет значения.

Я не успела спросить, что он имел в виду.

Потому что он двинулся.

Двинулся — это громко сказано.

Он просто перестал стоять.

Не сделал резкий шаг вперёд, не потянулся к оружию, не бросил угрозу или насмешку. Просто сместил вес с одной ноги на другую, будто случайно, будто от скуки. Но от этого легкого, небрежного движения по спине пробежал холод.

Как если бы зверь в темноте решил выйти из укрытия.

Я сжала пальцы на рукояти меча сильнее.

— Останься там, где стоишь, — сказала я. Голос был ровным. Не угрожающим, не испуганным.

Он замер. Голова чуть склонилась, будто я его действительно удивила.

А потом улыбка стала шире.

— А если не останусь?

И тут я поняла, что он не просто опасен. Он играет. И хуже всего то, что я не знаю правил.

Я стиснула зубы.

Лес молчал. Воздух застыл. Где-то далеко, за пределами поля зрения, треснула ветка. Я чувствовала, что должна что-то сделать. Но что?

Бежать?

Бессмысленно.

Броситься в бой?

Тоже глупо. Он знал это. Он ждал, что я выберу.

— Ты мне не нравишься, — сказала я, пробуя на вкус это новое понимание.

— Не надо, — отозвался он с ленивым смехом. — Если начнём друг другу нравиться, всё станет слишком сложно.

Я сжала зубы.

И тогда он двинулся на меня по-настоящему.

Он не бросился вперёд, не сделал резкого рывка — просто пошёл. Спокойно. Легко. Как если бы между нами не было крови и трупов, не было угрозы, не было меча в моей руке.

Но тело отреагировало раньше сознания.

Мгновение — и я шагнула назад.

Не потому, что испугалась. Потому что чувствовала, что он слишком близко.

Слишком сильный.

Слишком...горячий. И его запах. Я чувствовала его запах. Muskusный. Звериный. Не человеческий.

Он и сам как зверь, который не нападает сразу — сначала изучает.

И это было хуже, чем открытая угроза.

Я сжала меч крепче.

— Стой, — сказала я.

Он не остановился.

— Стой, чёрт тебя дери, — повторила я громче.

Он сделал ещё шаг, и я ударила.

Не думая.

Просто рука двинулась сама.

Острая вспышка движения — меч, рассчитанный удар. Он не должен был успеть.

Но он успел.

Всё, что я увидела — размытый силуэт, шаг в сторону,

лёгкое движение руки. Какого черта я это умею. В голове картинки из фильма «Человек-паук».

И вдруг меча в моей руке не стало.

Я не поняла, как это произошло. Просто сжала пальцы — а меча уже нет.

А он держал его двумя пальцами.

Просто взял.

Как если бы не стоило даже пытаться.

Я посмотрела на пустую ладонь. Потом на него. Потом снова на ладонь.

— Что за...

— Урок, — лениво подсказал он.

И в эту секунду я поняла, что проиграла.

— Какого хрена... — выдохнула я, глядя на пустую ладонь, а потом на него.

Ублюдок держал мой меч так, будто только что поймал брошенную ему ветку. Без усилия, без напряжения, даже без особого интереса. Просто взял — и всё.

— Слишком предсказуемо, — прокомментировал он. — Слишком медленно.

— Медленно? — повторила я, и только сейчас в голосе прорезалась злость. — Да я тебя чуть не...

— Нет, — перебил он, ухмыльнувшись. — Не чуть. Даже не близко.

Он проверил вес меча на руке, повертел, оценивая, и вдруг взял и кинул его мне обратно.

Я едва успела поймать.

Металл глухо стукнулся о ладонь. Я рефлексивно сжала пальцы, но, чёрт возьми, мне захотелось просто швырнуть его в этого самодовольного ублюдка.

— Давай ещё раз, — сказал он спокойно, как учитель, раздающий домашку.

— Ты издеваешься?

— Нет, княжна, — он склонил голову, и в глазах снова вспыхнула эта опасная лень. — Я тебя тренирую.

Я стиснула зубы.

Хорошо.

Допустим, я слишком устала, чтобы сразу разорвать ему глотку. Хотя даже в теле прежней Вари Морозовой попыталась бы. Допустим, он чересчур быстр и ловок. И сейчас мне нечем крыть, кроме злости.

Но одно я знала точно:

Я не дам ему уйти от удара второй раз.

Я двинулась. Резко, сильно, на полном ходу.

Он ждал.

Я сделала шаг, второй, ударила — и в ту же секунду оказалась на земле.

Падение было стремительным, мгновенным. Он почти не шевелился — просто шагнул вперёд, резко сместился, заблокировал движение, а потом развернул меня через бедро.

Бах.

Воздух вышибло из лёгких, в голове гулко звенело, и я на

секунду не могла понять, что, чёрт побери, произошло.

Потому что он сделал это легко.

Так же легко, как забрал меч.

Так же легко, как перехватил мой взгляд, а потом взглядом же бросил меня вниз в пропасть.

Я резко вдохнула.

Он уже стоял рядом, чуть склонив голову, и смотрел на меня точно так же, как смотрел в начале.

Как если бы ничего не изменилось.

Как если бы вопроса, кто из нас сильнее, не существовало.

— Слишком предсказуемо, — повторил он.

Я медленно подняла голову, выдохнула и сквозь зубы произнесла:

— Знаешь... Если ты меня прямо сейчас не убьёшь...

— То что?

Я сощурилась.

— То я тебе этого никогда не прощу.

И тогда он улыбнулся. По-настоящему.

— Вот это мне нравится.

Мышцы горели. Воздуха не хватало. Сердце билось грудью, медленно, не как у загнанного зверя, а как у хищника, который только что понял, что встретил равного.

Но это было неправдой.

Я не была равной.

Потому что он бросил меня на землю слишком легко.

Я резко выдохнула, перевернулась, опираясь на ладонь.

Он стоял рядом, небрежно, как если бы ничего важного не произошло. Как если бы не только что швырнул меня лицом в грязь.

— Ты скучная, — сказал он.

Я стиснула зубы.

Скучная?

Этот самодовольный ублюдок выбил из меня дух, а теперь раздаёт советы?

Я подалась вперёд, но он только лениво склонил голову, будто заранее знал, что я сделаю.

— Если попытаешься ещё раз, — спокойно произнёс он, — придётся тебя связать.

— Попробуй, — выдохнула я.

Его глаза скользнули по мне, оценивающе, медленно, без тени эмоций.

— Позже.

Я замерла.

Позже.

Он не сказал "если". Он сказал "позже".

Как если бы вопрос не в том, случится это или нет, а в том, когда именно.

Меня тряхнуло. Внутри что-то сжалось — не страх, не злость, но первобытное чувство угрозы.

— Кто ты такой? — выдохнула я.

— Пока не важно, — отозвался он.

— Для меня важно.

— А для меня — нет.

Я хотела ударить его снова.

Я хотела, чтобы он атаковал первым.

Я хотела понять, почему его голос кажется таким знакомым.

Но прежде чем я успела сделать что-либо, он нагнулся, схватил меня за плечо и рывком поднял на ноги.

— Вставай, княжна, — сказал он, и в голосе мелькнуло что-то старое, что-то болезненное. — Нам пора.

— Куда?

Он улыбнулся, медленно, без всякой теплоты.

— Домой.

Глава 4

Я среди чужих. Среди тех, кто не знает слова «жалость», но прекрасно различает запах крови. Их костры пляшут на ветру, бросая кривые, шатающиеся тени, будто сама земля решила сойти с ума. Дым вяжет горло, как вопрос без ответа. А ответы, судя по их взглядам, здесь выбивают кулаками, а не словами. Эти люди — нет, не люди, звери на двух ногах — смотрят на меня не как на княжну, не как на пленницу, не как на беглянку, и уж тем более не как на женщину. Смотрят, будто я — мясо. Свежая дичь, брошенная к костру, которую пока не решились разрезать, но уже предвкушают, как будут жевать с хрустом и жиром на губах.

Чёрт, как вообще привыкнуть к мысли, что здесь меня зовут «княжной»? Это слово звучит как насмешка, как лоскут короны, прибитый гвоздём к черепу. Я не знаю, кто я сейчас. Как я выгляжу? Что у меня на лице — гордость, страх, пепел или остатки прежней жизни? Возможно, всё сразу. Возможно, ничего. Они смотрят, как смотрят на волчицу, пойманную в капкан: пока шевелится — интересно. Перестанет — закопаем.

В их глазах нет ни капли уважения. Там — азарт. Чистый, горячий, голодный. Так смотрят на острые камни, которые кидают в яму к пленнику, чтобы посмотреть, как он уворачивается. Так смотрят перед боем петухов, когда ставят на того,

кто покрепче клювом, но слабо дерётся. Они спорят мысленно, сколько я продержусь. Никто не считает, что долго. Никто не думает, что я останусь. Никто не собирается уступить место у костра. Я — не часть стаи. Я — дикая, сбившаяся с тропы. И в их мире дикость — не привилегия. Это приговор.

Скорее всего, им просто любопытно. Не каждый день к ним падает с неба княжна — пусть и в одной рубашке, с глазами, в которых больше вопроса, чем угрозы. Они думают, что я игрушка. Может быть, дрессируемая. Может быть, укусит, прежде чем сломается. Но сломается. Им привычно, что всё ломается. И я — в их глазах — ничем не лучше.

Но вот беда: они не знают, что я уже была сломана. Разбита в щепки, сожжена в собственном теле, забыта, убита, перешита чужой душой. И то, что встало на ноги — не девочка, не княжна, не жертва. Это нечто, что пока ещё не решило, кого разорвать первым. И то, что я молчу, — не знак страха. Это просто... я прислушиваюсь. К зверю внутри. Он давно молчит, но я чувствую, как он выдыхает медленно, тяжело, как поднимается на лапы. Слушает. Нюхает воздух. Узнаёт запахи. И я узнаю вместе с ним.

Здесь правит сила. Сила и зубы. Здесь нет ни слов, ни титулов. Только то, насколько глубоко ты можешь вонзиться. И насколько быстро потом встать. Так что пусть смотрят. Пусть делают ставки. Пусть облизываются. Но я надеюсь, у них у всех есть хорошие целители. Потому что если я упаду — я встану. А если встану — уже не как княжна. Как то, что эти

уроды так хотели увидеть. Зверь. С когтями. С памятью. С яростью. И с прекрасной памятью на лица.

Он — Мстислав — не сказал ни слова. Ни грозного окрика, ни зловещего предупреждения, ни язвительной шпильки, достойной театральной сцены. Просто взгляд. Один. Простой, ленивый, тёмный как грех и такой же многообещающий. А потом — движение, жест, даже не в мою сторону, а в сторону своих псов. Один из них тут же подскочил, будто его дёрнули за цепь. "В круг её," — и это было не приговором, нет, слишком буднично, слишком по-простому. Это было как «передай соль» или «заткни дверь». Словно бросить княжну в круг, на потеху местным головорезам — это у них тут после ужина вместо развлечения.

Круг. Ах, да. Красивая, древняя традиция. Символика, ритуал, народная педагогика. Очень славянский способ выяснения, кто в доме не просто баба с претензией, а хищник с историей. Привет, княжна, ты у нас тут новая, давай проверим, насколько крепкие у тебя зубы, насколько быстро лопаются губы, и выдержит ли твоя тонкая шея кулак, размером с коровье сердце. Они расступаются, образуют круг, и я, как хорошая девочка, встаю в его центр, с ощущением, что за спиной не рубаха, а мишень, и каждый из этих весёлых ублюдков уже мысленно поставил ставку: упаду после первого удара или второго.

Я не успела развернуться, как первый удар вошёл мне в живот. Не кулак — кирпич с мясом. Воздух вышибло так,

будто из меня вырвали душу через солнечное сплетение. Разум на секунду гаснет, как свеча на сквозняке: вспышка боли, мгла, пустота. Я даже не вскрикнула — не было чем. Но тело... вот тут начинается самое интересное. Тело не упало. Тело отпрянуло назад, согнулось, прочитало боль как команду, как сигнал к пробуждению. Тело не испугалось. Оно ожило. И с каждым ударом сердца я чувствую: оно помнит. Не я — оно. Не мозг — мышцы. Руки. Ноги. Кожа, чувствующая движение воздуха за миг до удара. Тело реагирует как зверь, которого держали на цепи слишком долго. Оно вспоминает. В нём что-то поднимается со дна, чёрное, горячее, первобытное.

Я не тренировалась. Я не ходила в какие-то там школы самообороны для благородных девиц. Меня учили наклонять голову, подавать руку, выбирать бокал. Но сейчас рука поднимается сама, не для жеста, а для удара. Пальцы сжимаются в кулак, и я чувствую, как под кожей натягиваются жилы. Я не знаю, что я делаю — но тело знает. Оно не хочет падать. Оно хочет встать. Оно хочет крови. Оно хочет, чтобы никто больше не тянулся к нему с грязными руками, не смотрел с прищуром, не усмехался с видом "она долго не протянет".

Я не княжна. Я не женщина. Я не жертва. Я — нечто, что уже падало, и вырывалось из могилы. И если этот ублюдок передо мной думает, что я сейчас развалюсь пополам, то пусть прикусывает язык. Потому что я встану. Потому что я стою. И потому что теперь в этом круге — не только их пра-

вила. Здесь я. И зверь, который живёт под моей кожей. И мы оба хотим посмотреть, сколько ещё у них останется зубов.

Я дерусь. Без правил, без стыда, без благородных жестов и звонкой доблести. Я — не рыцарь, не княжна, не кто-то, кого выносят с поля боя на руках под фанфары. Я — кусок ярости, вскипевшей в теле, которое даже не моё. Чужая плоть, чужие руки, чужие рефлексy, но они слушаются меня с пугающей точностью. Пальцы сжимаются в кулак — слишком уверенно. Нога уходит в сторону — слишком быстро. Я не помню, чтобы училась этому. Никогда. Ни школ, ни секций, ни тренировок, ни отцов, гоняющих по утрам по росе. В моей памяти — фрагменты: стеклянные витрины, город, шум машин, какие-то лица, вспышки тенниса, трибуны... но не кровь. Не вот это — не круг, не пот, не плевки, не зубы, не мясо. Но сейчас это неважно. Сейчас я ломаю нос. Ломаю челюсть. Кусаю. Да, кусаю, потому что рука занята, а морда этого пса слишком близко. Рву губами кожу на его плече, и чую кровь — тёплую, свежую, медную, словно лизнула железо. Он орёт, я плюю, и стою. Потому что упасть — это значит снова потеряться. А я только-только начала хоть что-то чувствовать.

Внутри кипит. Я не знаю, что именно. Что-то огромное, тяжёлое, не моё. Или моё, но спящее. Оно просыпается. Шевелится. Мотает башкой. Потягивается, как медведь, вылезший из берлоги — медленно, ленивая туша, но с челюстью, которую я уже чувствую внутри себя. И пока я дерусь, оно

выныривает. Не полностью. Чуть-чуть. Чуть ближе. И в этом нет логики, но есть дикое, чёрное «живи».

На краю зрения — он. Сидит у костра, как зритель на арене. Не кричит, не вмешивается, не даёт знаков. Просто сидит. Пьёт что-то из кружки. Смотрит, будто делает ставки. Как будто ждал — упаду я сейчас, или вытащу из себя ту, которую сама ещё не знаю. И вот что бесит больше всего — не презрение в его глазах, нет. Хуже — интерес. Как к зверю, который, может быть, не сдохнет в клетке. Как к свинье, которую забыли добить, а та вдруг вскочила на ноги и рванула в сторону ножа. Он даже не моргает. Он ждёт. И я знаю — если бы я упала, он бы не шелохнулся. Не подошёл. Не дал воду. Не сказал слова. Он бы просто сделал вывод.

А мне хочется, чтоб у него дрогнуло веко. Хочется зарычать. Чтобы его ухмылка соскользнула с лица, хоть на миг. Чтобы понял: я не просто тело в грязи. Я не "новенькая". Не «княжна». Я что-то такое, что вылезло из могилы в чужом теле и сейчас рвётся наружу. Я не знаю, кто я. Но если он думает, что я забуду этот взгляд — он ошибается. Пусть пьёт дальше. Пусть смотрит. Но пусть знает — я запомнила. Всех. Сначала — зубами. Потом — именами.

Я падаю. Не красиво, не по-героически, не с грацией умирающего лебедя, а так, как падают мешки с мукой, из которых высыпалась гордость. С глухим звуком, с хрустом в бок, с грязью в зубах и едким привкусом собственной злости. Земля встречает меня с равнодушием похмельного палача

— жестко, липко, вонюче. Падаю, но не ломаюсь. Просто — приземляюсь. Момент затишья, короткий, как вдох между ударами сердца, и в этом моменте я знаю: он не подойдёт. Он — это Мстислав, зверь в человеческой коже, с глазами, в которых читается не вопрос, а статистика. И он не двинется. Он не из тех, кто бросает руку тому, кто лежит. Он из тех, кто считает. Сколько секунд я пробуду на земле. Сколько попыток потребуется, чтобы встать. Сколько крови должно вытечь, прежде чем я превращусь из объекта в участника.

И вот я поднимаюсь. Не из гордости. Из упрямства. Из злобы, родившейся где-то между лопатками и расползшейся по рёбрам, как чернильное пятно. Поднимаюсь, потому что не встать — это признать, что они были правы. Эти шакалы у костра, эти псы в людском обличье, эта хищная стая, ждущая, когда я выдохнусь. Я стою, хромая на одну ногу, с разбитым кулаком, с треском в плече, с грязью под ногтями. Стою, и только тогда он смотрит на меня — не сквозь, как раньше, не лениво, не с тем усталым презрением, которое оставляют для пыли под сапогом. А по-настоящему. Вглубь.

Что-то меняется. Не фатально. Не громко. Не так, как в историях, где «их взгляды встретились, и в этот миг время остановилось». Нет, ничего не останавливается. Всё продолжает болеть, дымить, хрипеть. Но его взгляд становится тяжелее. Чуть-чуть. Как если бы я сдвинулась с отметки «дичь» в сторону «живое». Как если бы он признал — я не просто мясо. Я — что-то, что можно впустить в стаю. Не с

доверием, нет. Со щелчком зубов. Со взглядом через плечо. Но впустить. И это — хуже всего.

Потому что стать своей среди таких — это значит признать, что я такая же. Что я готова рвать, когда прикажут. Грызть, когда бросят. Молчать, когда больно. Что я приму закон, по которому выживает тот, кто встал. Даже если на сломанных коленях.

Он кивает. Один раз. Не мне. Не прямо. В сторону круга. Как метка. Как печать. Он говорит остальным: «принять». И они понимают. Их взгляды становятся другими. Не дружелюбными — нет, и близко. Просто осторожными. Как если бы я оказалась не новой игрушкой, а ножом, забытой под подушкой. Они отводят глаза. Один шмыгает носом. Кто-то морщится. Потому что теперь я — не развлечение. Я — угроза.

Я — та, кто встал.

И главное — я не просила. Не молила. Не выла. Не сдавалась. Даже тогда, когда кровь текла по губам, а зубы звенели от удара. Я бы не попросила пощады, даже если бы у меня выбили челюсть, даже если бы я плевалась осколками костей. Потому что просить — значит признать, что у тебя ещё есть что терять. А у меня, кроме зверя внутри, не осталось ничего. И этот зверь — впервые — довольно выдыхает.

Вода ледяная. Прозрачная, как ложь в глазах священника, текучая, как кровь, которой я только что щедро сдобри-

ла здешнюю землю. Я наклоняюсь к ручью, сдираю грязь с лица, чувствую, как кожа саднит — где-то порезано, где-то распухло, где-то скоро будет синяк размером с ладонь. Отражение в воде чужое, вывернутое наизнанку. Лицо — моё, но нет. Волосы, брови, скулы — всё не то, всё другое. Не та, что смотрела из зеркала когда-то, в каком-то городе, в другой жизни, где вместо хриплых голосов были наушники, вместо стали — ракетки, а вместо крови — спортивные изотоники. Я не знаю, кто я. Но знаю: та, что сейчас вытирает подбородок, уже никогда не вернётся к кофе с корицей и к утренним пробежкам в парке. Потому что в ней что-то раскрылось, вспухло, выползло наружу, вцепилось в кость изнутри и зарычало на всё, что посмело её тронуть. Я не знаю, как зовут эту тварь, но она во мне, и я ей не мешаю. Потому что она — единственное, что не хочет умирать.

Он появляется, как всегда, бесшумно. Ни треска ветки, ни вдоха, ни тени, ничего. Просто вот он — рядом. Стоит, смотрит, не прикасается. Не нужно. Его присутствие — как раскалённое железо под кожей. Даже если не касается — чувствуешь. Даже если молчит — ждёшь, когда заговорит. А потом он говорит. Тихо. Спокойно. Без оценки в голосе, без эмоций. Так, как будто читает погоду на завтра. «Ты сильнее, чем я думал. Это хорошо». И от этих слов не теплеет. Не поднимается грудь от гордости. Не хочется благодарить. Потому что это не похвала. Это приговор. Это печать, выжженная на шее: теперь ты не гость. Не игрушка. Не женщина, за-

блудившаяся в неправильном лесу. Теперь ты — мясо с зубами. Теперь ты — хищник. Один из. Ни хуже, ни лучше. И это значит, что ты больше не вне игры. Ты на доске. Фигура. А фигурам здесь либо рубят головы, либо кидают кость.

Он уходит — так же тихо. А я продолжаю смотреть в воду и понимаю, что с этой минуты всё изменилось. Не по-детски, не театрально, без громов и молний. Просто — изменилась я. Он — не мой союзник. Он никогда им не был. Ни тогда, когда смотрел, как меня валят в грязь, ни сейчас, когда кидает фразы, будто заклинания. Он не защитник. Он не спаситель. Он — выживший. А чтобы выживать в этом стаде, надо уметь рвать. Значит, он или сломает меня до кости, вывернет до урчания, до оскала, до полной покорности. Или научит быть такой же, как он.

И я чувствую: среди этих, кто рычит, плюёт и кидает кости в круг, только один по-настоящему опасен. Только один не играет — живёт. И это не я. Пока. Но, чёрт побери, я учусь быстро.

Глава 5

Жар в крови. Боль в мышцах. Всё внутри гудит, словно я спала не ночь, а век, и теперь тело, возмущённое столь бесстыдным бездействием, устраивает репетицию собственного конца. Я просыпаюсь, будто меня выдрали из чьей-то чужой жизни за шкурку и швырнули обратно в мою — но не прежнюю, нет, а изломанную, дурно склеенную, в которой каждый сустав ноет, каждая кость зудит, как если бы кто-то изнутри аккуратно стучал молоточком: тук-тук, хозяйка, можно мы выйдем? Света нет, но глаза всё равно режет, как будто само пространство за пределами век слишком яркое, слишком резкое, как обнажённый нерв. Воздух — густой, тягучий, как отвар из еловой хвои, настоящий на страхе. Он липнет к коже, просачивается в нос, и я чувствую, как им дышит лес. Не ветер шуршит в листве — это лес. Дышит. Смотрит. Ждёт.

И мне вдруг дико, всепоглощающе хочется... выть. Или драться. Или оба сразу. Орать до срыва связок, разодрать когтями землю, кого-нибудь укусить, просто чтобы почувствовать, что я ещё здесь, ещё в теле, что я — я. Только кто именно это "я", вопрос пока подвешен между ребрами, потому что ощущения свои, а вот инстинкты чужие. Всё болит, но боль не тупая и не обречённая — она живая, дерзкая, как зверёныш, который только что родился и тут же начал скре-

сти стенки нутра, пытаюсь выбраться наружу. Она не та, что ломает — она та, что лепит. Это не конец. Это рост.

Где-то в позвоночнике, в самом его основании, будто бы кто-то спит. Нет, не спит. Шевелится. Скребётся костью о кость, как зверь в клетке. Медленно, вальяжно, не спеша — у него, в отличие от меня, время есть. Я не знаю, что это. Болезнь? Лихорадка? Последствие удара по голове? Может, я уже умираю? Или наоборот — только начинаю жить. Очень странная мысль, учитывая, что каждая клетка тела орёт благим матом. Но в этом во всём есть нечто тревожно-правильное. Как если бы до сих пор я была кем-то временным. Воплощением, оболочкой, анекдотом на фоне истории. А сейчас — что-то включилось. Переключилось. И началось.

Я не знаю, что со мной. Но точно знаю — это не просто усталость. Это не синяки от вчерашней драки и не последствия сна на корнях. Это не по мне били. Это во мне просыпается. И я, если честно, ни черта не уверена, хочу ли я, чтобы оно проснулось до конца.

Зрение, слух, нюх — всё, что раньше было просто набором обыденных ощущений, вдруг стало оружием. Слишком острым. Слишком чётким. Слишком моим. Хотя я не уверена, что это принадлежит мне. Мир вокруг будто сдвинулся на полшага ближе, подался внутрь, пролез под кожу и теперь жужжит, пульсирует, царапает изнутри. Я чувствую запах гари за горизонтом — не дым, не костёр, не обычную древесину, а конкретную смесь: берёза, плотная ткань, обожжённая

шерсть. И кровь. Всегда теперь где-то пахнет кровью.

Слышу, как кто-то перешагнул через сучок за холмом. Не просто шаг — слышу, как натянулся ремень на сапоге, как прочесал рукав о рукоять ножа, как изменилось дыхание — короткое, с выдохом через ноздри. Кто-то идёт, тихо, с осторожностью, но он не знает, что я слышу его, как если бы стояла рядом. И вижу — хотя темно. Нет, не темно. Просто кто-то решил, что ночь — это укрытие. А для меня — фонарь. Я вижу очертания листьев, структуру коры, тонкие волоски на чужой руке, даже когда её на миг заслоняет дым. Я вижу так, как никогда не видела. Как будто мне дали глаза другого существа. Или не дали, а вернули.

Мир стал слишком подробным. Невозможно подробным. Он больше не фон. Он лезет в мозг, в дыхание, в каждый чёртов импульс. Птицы кричат в ушах, как сирены. Лист под ногой врага шуршит громче, чем барабан. Ветер несёт на себе сотню запахов, и я, чёрт возьми, различаю каждый. Даже тех, кого не вижу. Даже тех, кто не хочет быть замеченным.

Сердце... оно стучит не как у человека. Оно не торопится. Не панически колотится, как бывает после страха или бега. Оно стучит размеренно, глухо, глубоко — как набат в пещере. Медленно. Мощно. Словно не кровь толкает, а магму.

Я не знаю, нормально ли это. Спойлер: нет.

Абсолютно ни один уважающий себя организм не должен воспринимать мир с такой интенсивностью. Это не благословение — это перегрузка. Как если бы тебя запихнули в тело

сверхчеловека, но забыли выдать инструкцию. Или как если бы зверь под кожей приоткрыл один глаз и решил, что пора — хватит притворяться девочкой.

Меня трясёт. Но не от страха — от слишком. Слишком слышу. Слишком чувствую. Слишком знаю. И в этом "слишком" я понимаю одну простую, мерзкую, вонючую истину: назад дороги не будет. Кто-то во мне просыпается. А я — не уверена, хочу ли с ним знакомиться.

Мстислав смотрит. Не как мужчина смотрит на женщину. Не как вожак смотрит на нового зверя в стае. Даже не как охотник на дичь — нет, хуже. Он смотрит, как алхимик на пузырящийся в колбе яд, который вот-вот изменит цвет, но ещё не ясно — взорвётся он или исцелит. Его взгляд не просто внимателен — он режет. Осторожный, вымеренный, как удар скальпелем по живому. Не для боли. Для вскрытия. Он не просто смотрит — изучает.

А я? Я стою, будто ничего не происходит, будто не замечаю, как его глаза обшаривают меня — не тело, не лицо, а то, что просыпается внутри. Как он считывает мои движения, даже когда я не двигаюсь. Каждую задержку дыхания, каждый рывок плеча, каждую искру за лопаткой, где будто бы вот-вот проступят кости, чужие и острые. Мне хочется фыркнуть, развернуться, выдать что-нибудь колкое в ответ, как делала бы в любой другой ситуации, но язык, проклятый предатель, замирает во рту, словно он тоже понял: этот человек — не из тех, кому хамят в лоб.

Он кивает чуть-чуть, совсем едва, словно в подтверждение мысли, которую я ещё даже не осознала. А потом говорит. Легко. Спокойно. Как будто речь идёт о погоде, о шнуровке на сапогах, о лишнем весе у боевого коня. "Ты даже не понимаешь, кем стала, да?" — произносит он и делает глоток из своей вечной фляги. Металлический блеск на солнце. Холодная насмешка в голосе. Без интереса, без угрозы, без сочувствия. Просто констатация. Как «потрепанной ты стала, княжна», или «ногти бы подстричь».

Я хочу огрызнуться. Хочу. Очень. Уже почти открываю рот, уже готова выдать что-нибудь ядовитое, острое, желательно с намёком на его проматерей, характер и отсутствие базовой этики. Но рот не слушается. Язык будто прилип к нёбу, как ложка к замёрзшей губе. Потому что — мать его — он прав. Я действительно не понимаю. Не понимаю, что это за зверь под кожей, почему лес шепчет мне, а не остальным, почему тени в углу лагеря расходятся, когда я прохожу мимо.

А он — уже понял. Не просто понял. Ждал. И это пугает больше всего. Потому что если он ждал — значит, это уже случилось. С другими. Или с ней. С той, в чьё тело я пришла. И с теми, кто не выжил.

Нападение не предупреждает. Оно не просит расписаться в повестке, не подаёт сигналов, не ждёт удобного момента. Оно просто случается — как падение, как удар в спину, как похмелье после чужого вина. Мы шли — я, трое его людей,

которых я не запомнила даже по именам, и он, Мстислав, как всегда — отдельно. Не в тени, не впереди, не сзади — Он существует рядом, но не с нами. Он как холод в костях — ты его не видишь, но он внутри.

Лес дышал медленно, вязко, как больной зверь, и вдруг, в один хруст, в один вскрик ворона, в один перелом времени — всё сменилось. Чужие. Тёмные, быстрые, слаженные. Без выкриков, без тупых угроз — те, кто знает, куда бить. Охотники, думающие, что вышли на добычу. На меня. Ах да. Простите.

Первое движение я совершаю до того, как осознаю, что нас атакуют. Словно кто-то дёрнул за внутренний рычаг. Ни страха, ни плана, ни даже мысли. Чистая реакция. Чужая, дикая, натянутая, как струна, по которой кто-то ударил кулаком. Рука идёт вперёд — не в защиту, а в нападение. Колено выбрасывается с точностью, которой я не училась. Поворот корпуса — точный, нечеловечески выверенный. Я двигаюсь быстрее, чем кто-либо из них. Быстрее, чем они ожидали. Быстрее, чем я вообще умею. Или, как мне казалось, умею.

И тут происходит перелом. Не в кости — внутри. Будто кто-то под кожей рвётся вперёд. Что-то большое, безмянное, первобытное дёргает мышцы и высвобождает силу, от которой трещат суставы. Я чувствую, как меняется плоть, слышу хруст рёбер. Из горла вырывается не крик, а настоящий звериный рык — такой, что у меня самой мороз проходит по коже.

Я не знаю, как я это делаю. Мозг пытается спросить, остановиться, объясниться, но тело не слушает. Оно идёт вперёд. Руки — не мои. Ноги — не мои. Зубы, возможно, тоже. Всё движется с неумолимостью обвала. Всё вокруг замедляется, а я — будто ускоряюсь. И в этом темпе, в этом новом ритме я понимаю: я не дерусь. Я охочусь.

А охотникам, что выскочили из кустов — не повезло. Они пришли за добычей. А нашли — другую. С когтями. С чужим дыханием. С голосом, похожим на рёв расколотой земли. Я не человек. Не сейчас. Сейчас я — тьма. И эта тьма пахнет кровью.

Всё происходит в один миг. Или в вечность. Время ломается, изгибается, подламывается под тяжестью происходящего, как хребет у лошади, которой навалили лишнего. В самый пик схватки, когда чужой меч идёт мне в бок, когда мой кулак уже красный от крови, когда земля под ногами вибрирует от шагов и ударов — случается сбой. Сбой в восприятии. В реальности. Во мне.

Сначала гаснет зрение. Не как умирание, нет. Это не темнота, а её изнанка. Свет просто срывается со стен, линии теряют очертания, а потом — вспышка. Не светлая, а наоборот, хищная. И я начинаю видеть иначе. Я вижу тепло под кожей врагов, вижу, как дергается вена у шеи, как пот капает с подбородка одного, как другой издаёт едва слышный визг, уже жалея, что вышел из леса. Всё остальное исчезает. Остаются только цели.

Кожа горит. Нет, не печёт. Она горит — как если бы под ней полыхало что-то древнее, забытое, как костёр под землёй, который считали потухшим. Я чувствую, как под ногтями нарастает твердь, как пальцы удлиняются на доли секунды, как запястья трещат, принимая новый угол. Когти не вырастают — они вспоминаются. Как если бы они были всегда, просто терпеливо ждали, когда я наконец перестану строить из себя человека.

Я не кричу. Из меня вырывается рёв. Тот самый, от которого и мёртвый бы проснулся, и живой бы умер. Низкий, гулкий, как раскат грозы в горах, как ворчание леса, недовольного тем, что его потревожили. И этот звук пугает меня самой. Потому что он — не мой. Но и не чужой. Он — как голос в теле, которое наконец говорит.

Я бросаюсь. Не думаю. Не планирую. Просто иду на запах, на движение, на страх. Первый — не успевает. Я на нём раньше, чем он вздохнул. Вцепляюсь когтями в горло — не шею, а именно горло, сжимаю, рву. Кожа трещит, кровь брызжет горячими толчками. Он не орёт. Не успевает. Второй мечется. Я кидаюсь, сбиваю его с ног, челюсть — моя челюсть — сжимается, как капкан, и вонзается в плечо. Я чувствую, как зубы проходят через кожу, как кость стучит о коренной. Я не откусываю — я треплю. Как зверь. Как тварь, которую нельзя приручить.

Я не человек. Но и не зверь. Я — что-то между. Ломаю. Кусаю. Раздираю. И не чувствую боли. Только жар. Только

хрип. Только кровь, что стекает по подбородку и капает на землю — не моя. И как змеятся розовые кишки по траве...

Потом — остановка. Не по воле. По необходимости. Всё вокруг дрожит. Руки с когтями опущены. Спина дымит. Враг лежит. Несколько. Или больше. Я не считаю. Счёт — для людей. А я сейчас... не совсем человек. Тело ноет. Не от боли — от насыщения. От выгорания. Полуобращение. Полу-я. Полу-ужас. Полу-бог.

И я в этом стою. Грязная, в крови, с дыханием зверя, а внутри один единственный вопрос: если это только половина — кем, чёрт возьми, я стану целиком?

Остальные бегут. Они не убегают, нет — они улетают, сметённые ураганом, с лицами, в которых читается не страх, а ужас, сделанный из мяса. Один из врагов падает, цепляется за воздух, как за шанс, и получает когтями поперёк горла — не от меня, уже не мной, а той, что проснулась в моём теле. Второй — визжит, как свинья, причём не образно, а буквально, с той интонацией, от которой в деревнях, где ещё помнят старое, снимают шапку перед бойней. Мои спутники — те, кто ещё недавно фыркали, косились, плевали в мою сторону, — теперь замерли, как перед землетрясением. Один орёт. Не по-мужски, не по-солдатски — тонко, отчаянно, будто в нём что-то треснуло. Другой валится на колени и блюёт — красиво, с пафосом, согнувшись пополам. Вся эта слаженная, суровая, закалённая братия внезапно превращается в жалкий хор статистов в трагедии, которую исполняет только один ак-

тёр. Я. Ну или не совсем я.

А он стоит. Мстислав. Как стоял, так и стоит. Не отступил. Не схватился за оружие. Не попытался вмешаться. Он — неподвижен, как скала, как памятник, как проклятие. Его глаза не блестят. Они не расширены. В них нет страха, нет потрясения, нет святого желания что-то объяснить, остановить или спасти. Там только спокойное, ленивое узнавание. Как будто он ждал. Не надеялся. Не гадал. Просто — знал. И вот дождался.

Он смотрит на меня, как смотрят на зверя, которого выпустили из клетки не для того, чтобы погладить. С одобрением. Тонким, звериным, почти интимным. Ни улыбки, ни слова. Но во взгляде читается всё. "Ну здравствуй," говорит он молча, даже губами не шевельнув. "Вот и проснулась."

И вот тут, вот в этом «проснулась», меня пронзает. Потому что в этом взгляде — не страх, не удивление, не отвращение. Там... гордость. Да-да. Гордость, чёрт бы её побрал. Как будто он — не просто свидетель, а соучастник. Как будто это он шептал мне под кожу, растил эту силу, этот рёв, этот хруст костей и вкус крови на губах. Как будто он всегда знал, кто я есть. Или — кем я должна стать. И теперь, когда я встала по колено в крови, с дыханием, рвущимся из груди, с телом, дрожащим от переполненности, — он доволен.

Не все способны смотреть в глаза зверю. Особенно — если этот зверь в тебе. А он может. Он смотрит. И в его взгляде нет жалости. Только приглашение. Добро пожаловать в стаю,

девочка. Только теперь — игра по-настоящему началась.

Я валяюсь в траве — не лежу, не отдыхаю, не «пришла в себя», как это обычно пишут в романах для наивных девиц, а именно валяюсь: как выброшенная из седла душа, как мокрая тряпка, которой драили пол в мясной лавке. Руки дрожат, будто в них плеснули холодной водой, пальцы скребут землю, не в поисках опоры — просто оттого, что не знают, куда себя деть. Под ногтями — мясо. Настоящее. Живое, минуто назад ещё принадлежавшее кому-то, у кого были мысли, имя, семья и, возможно, плохой характер. А теперь — просто каша. А на губах вкус... нет, не крови, не просто металла. Вкус стали. Как если бы я лизнула лезвие и решила, что это сытнее, чем хлеб.

Я дышу — нет, хриплю, тяну воздух рвано, как зверь после погони, у которого под лапами хрустнула не ветка, а последняя граница между «животное» и «человек». Сердце стучит с отдачей в висках, как молот кузнеца по наковальне. И самое страшное — оно бьётся в такт не мне. Оно бьётся в такт чему-то другому. Чужому. Тяжёлому, медленному, как шаг великана в темноте. Я чувствую, как это "что-то" расхаживает у меня под рёбрами, как хозяин, вернувшийся в дом после долгой отлучки.

Я не помню удара. Не помню, как оказалась здесь. Только вспышки: крик, рык, кровь, кости, сломанные как сухие ветки. Всё остальное — как сон на жару: ярко, обрывками, и так, что не знаешь, ты это делала или тебе приснилось. Мне

страшно. Да, мать его, страшно. Не за себя — за то, кем я стала. Или становлюсь. Или, что хуже всего, всегда была, просто раньше не замечала. Я хочу понять. Хочу собрать себя по частям, расписать по пунктам, выписать из этого кошмара. Но нет ни ручки, ни бумаги. Только пульс в ушах и второй — чужой, глубже, басовитый, словно эхо шагов в заброшенном храме.

Он рядом. Я чувствую его не глазами, не ушами, не запахом — кожей. Его тень ложится на меня раньше, чем сам он приближается. Он не касается, нет. Просто говорит. Голос — не громкий, не угрожающий. Как будто констатирует диагноз после долгого обследования. "Теперь ты не просто живая. Ты — своя."

И от этих слов не хочется жить. Не хочется умирать. Хочется быть. Потому что быть «своей» среди таких, как он — это не комплимент. Это приговор. Это значит, что я прошла проверку, не зная, что сдаю экзамен. Что зверь внутри меня не просто есть — он вышел на свет и улыбнулся.

Я не знаю, что это было. Ни по названию, ни по природе, ни по какой-нибудь проклятой инструкции по сборке внутреннего монстра. Я не понимаю, где кончалась я и начиналось оно — это звериное, костяное, дикое, сырое нутро, что вылезло наружу, как будто всю мою жизнь терпеливо сидело в подвале, играло в терпение, а теперь просто устало ждать. Я не знаю, откуда взялись когти. Я не знаю, как уместить в себе рёв, от которого у ворон в небе начали судорожно те-

рять ориентацию. Я даже не уверена, что это был мой рёв. Просто... что-то вырвалось. И теперь не хочет обратно. Не то что не может — не хочет.

Но есть вещи, которые я понимаю. Чётко, до противного ясно. Это было не в первый и не в последний раз. Это не эпизод, не срыв, не аномалия. Это... Как если бы кто-то снял с меня кожу, под которой всё это время пряталась другая. Настоящая. Или древняя. Или испорченная, но живая. Что-то в мире щёлкнуло, треснуло по шву, и обратно уже не сшить.

И теперь мне плевать, кто я была. Какая-то там Варвара, девочка с амнезией, с чужими воспоминаниями, с телом, которое не чувствовалось своим. Всё это уже не имеет значения. Потому что теперь я — это. Или стану. Или сгорю дотла. Без вариантов. Без права апелляции. Меня вывернули наизнанку, показали, что внутри — и внутри оказался не человек.

И когда я, ещё трясущаяся, грязная, с подсохшей кровью под ногтями и рвущимся из груди зверем, поворачиваюсь к нему — он уже смотрит. Мстислав. Как будто знал, куда смотреть, сколько ждать, и какая именно Варвара появится из этого месива. В его взгляде нет страха. Ни капли. И нет удивления. И, конечно же, нет жалости — кому она тут вообще нужна? Он просто смотрит. Как знал. Как ждал.

И я, глядя на него, вдруг понимаю: он действительно ждал. Не с интересом, не с расчётом, не как учитель, который верит в своего ученика. Нет. Он ждал, как хищник ждал

в стае новую тварь, такую же, как он. Чтобы больше не быть один. Чтобы было с кем выйти на охоту, не глядя назад.

И, может быть... может быть, он хочет, чтобы я стала такой, как он. Или хуже. И что пугает меня больше всего — я не уверена, что мне это не нравится.

Глава 6

— Кто я такая? — спросила я. Тихо. Почти спокойно. Как спрашивают после сна, в котором видели себя мёртвой, но проснулись живой. Голос хрипел. Воздух был острым. Кровь на руках ещё не до конца подсохла.

Мстислав не обернулся сразу. Он сидел, как обычно, чуть в стороне, ближе к костру, но не в круге света. Как будто даже огонь не решался слишком к нему приближаться.

— А кто ты такая? — отозвался он наконец. Не саркастично. Не с вызовом. Просто... по факту. Словно сам хотел бы узнать ответ.

Я сглотнула. Горло саднило. Мышцы ныли, будто кто-то выжимал из меня остатки человека. Хотелось соврать. Захотелось выкрикнуть: «Ты знаешь! Ты всё знаешь!» Но соврать было бы бесполезно. Он бы услышал ложь раньше, чем я успела её выговорить.

— Я не знаю, — призналась я впервые без позы и бравადы. — Я проснулась в чужом теле. Помню другой мир, теннисный корт, больницу. Но вместе с этим во мне живут чужие рефлексy и обрывки чужой памяти. Я не понимаю, кто я теперь: Морозова, Медведская или обе сразу.

Он помолчал. Повернулся наконец, и глаза у него блеснули не как у человека. Как у зверя, которому вдруг стало интересно: а что это за создание сидит рядом, вроде своё, но

не совсем.

— Значит, честно, — сказал он. — Удивительно. Обычно вы, княжны, врёте дольше.

— Я не княжна, — сказала я. Упрямо. Слишком упрямо. Он прищурился. — Но кровь твоя рычит, когда её пытаются заковать. Ты не просто девка из леса. Ты что-то большее. Или — меньшее. Зависит, откуда смотреть.

Я промолчала. Он встал. Медленно, лениво, как будто не ночь, а просто слишком долгая пауза в разговоре.

— Знаешь, Варвара... — сказал он, подходя ближе. — Мне всё равно, откуда ты. Кто ты. Даже чьё тело носишь. Важно только одно: ты больше не можешь притворяться, что в тебе спит зверь.

Он склонился ко мне, и в его голосе было то, от чего мурашки встали в затылке: — Потому что теперь ты — одна из нас. И никакая забытая жизнь тебя от этого не спасёт.

Я смотрела на него и ждала. Не ответа — удара. Но он, как всегда, выбирал паузы лучше клинков. Молчал, как будто взвешивал, стоит ли потратить на меня лишние слова.

Он сел рядом. Не близко. Но достаточно, чтобы я почувствовала запах его шкуры и что-то ещё — звериное, мускусное, как если бы лес выдохнул рядом с моим ухом.

— Ты хочешь знать, кто ты, да? — спросил он наконец, медленно, с тем ленивым издевательским тоном, который у него, похоже, был встроен вместо сочувствия. — Громкое имя тебе не помогло, а память, как у пьяной ведьмы после

шабаша. Ладно, слушай. Будешь смеяться.

Я не ответила. Он продолжил, будто рассказывал сказку у костра — но такую, после которой дети потом писаются до старости.

— Варвара Медведская. Наследница древнего, знатного, до безобразия гордого и до тошноты упрямого рода. Из тех, кто ещё при Рюрике умудрялся щёлкать по носу тем, кто носил корону. Ваш род — это смесь крови, проклятий, и гордыни, сваренной на медвежьем жире. Великая, грозная фамилия... пока не началидохнуть один за другим, как мухи под веником.

Он бросил в костёр щепку, и та с треском загорелась.

— Твой отец, князь Ярополк, был из тех, кто думал, что если ты медведь, то тебя никто не сожрёт. Ошибся. Его подставили. Красиво, тихо, без брызг. Одни сказали, что он предал трон. Другие — что он слишком знал. Третьи просто ждали, когда начнут делить его земли. А пока ждали — его, знаешь ли, прирезали. Утонул в собственной крови, как приличный князь без свидетелей.

— Кто? — спросила я хрипло. Голос был, как после крика — сорванный, пустой.

— Все, — пожал плечами Мстислав. — Империя не любит сильных, если они не целуют перстень. А твой батюшка... он предпочитал рвать тому пальцы. Ну, и заодно язык. Так что рано или поздно, но...

Он резко провёл большим пальцем по горлу и усмехнулся,

будто вспоминал анекдот, закончившийся массовым убийством.

— А ты, милая Варвара, была всего лишь последним кусочком. Последней, кого не успели сломать. Пока ты жила — род жил. Пока ты дышала — старый порядок ещё пыхтел. А теперь... теперь ты не просто княжна. Ты символ. Легенда. Знамя на шесте. А знамёна, как ты знаешь, всегда ставят выше всего — чтобы было удобно прицелиться.

Он замолчал, глядя прямо в меня. И в глазах у него — никакой жалости. Только насмешка, уставшая, старая, как будто он знал уже сотню таких историй, и каждая заканчивалась одинаково.

— Поэтому за тобой идут. Не из-за красоты. Не потому что ты зверь. А потому что ты — последняя. А последнюю кровь пьют до капли. Особенно, если она умеет рычать.

Я сидела молча. И только сердце стучало — с ритмом, которому уже не нужен был метроном. Потому что он был прав. Потому что я знала: если я — знамя, то пусть дрожат те, кто держит древко.

И тут чужая память впервые ударила не обрывком, а целой сценой: горящий дом, мужская ладонь, закрывающая мне глаза, и голос, называющий меня дочерью. Я знала, что никогда не жила этого в мире кортов и больничных палат. Но боль была моей.

Меч из музея не вселил меня в случайную женщину. Он вернул меня к жизни, которую у меня когда-то отняли, спря-

тав одну половину души в другом мире. Морозова дала мне волю спортсменки и привычку бороться до конца; Медведская — кровь, память и право требовать ответа.

Я всё ещё не понимала, как это возможно. Но впервые вопрос «кто я?» перестал иметь два взаимоисключающих ответа. Я была обеими Варварами — и отвечать за дальнейший выбор предстояло мне.

Я шла через лес, спотыкаясь о корни, как о чужие жизни. Меня шатало. Не от боли — от наполненности. Зверь внутри не рычал. Он мурчал. Не нежно — самодовольно. Как кот, обожравшийся живого. Тепло в животе, мусть в голове, кровь под ногтями. И одна мерзкая мысль: это было хорошо. Это было правильно. Это было моё.

И вот тогда, когда всё уже улеглось внутри, когда мои сапоги захлюпали болотом, а тишина стала почти терпимой — нахлынуло. Глупое, людское, абсолютно неуместное сожаление. Я вдруг чётко, до боли в зубах, до пульса в висках вспомнила горячую ванну. Настоящую. С пеной, пахнущей клубникой и розовым самообманом. С полотенцем — мягким, белым, не как эти лохмотья из конского волоса. С мылом. Не пеплом. Не корой. А мылом, чёрт его дери, с ароматом грейпфрута и заботы о коже.

И ещё — кофе. Настоящий. Густой, как грех. Чёрный, как чья-то совесть. Горячий. А не это всё — кислая похлёбка из трав и упрёков. И ещё — люди. Нет, не родные. Но... узнаваемые. Простые. Шумные. Пахнущие парфюмом, потом и

метро. С тупыми разговорами. С понятными реакциями. С «привет» и «пошла ты». Не с «здрав будь, княжна» и не с заговорёнными кинжалами под рубахой.

Я скинула с себя одежду — мокрую, грязную, пропитанную потом, смертью и чем-то ещё, что, возможно, пахло слабой, но я бы предпочла запах стирального порошка. И вошла в озеро.

Холодно было так, что даже зверь внутри поджал лапы. Зато честно. Зато без компромиссов. Без намёков. Холод — он не врёт. Он обнуляет. Смывает. То, что можно. Я стояла по грудь в воде, мыла руки, как будто от них можно было отмыть то, что они сделали. Ногтями отскребала засохшую кровь, и всё это было жестом отчаяния, замаскированным под уход за собой.

Позади треснула ветка. Я не обернулась.

— Не подходи, — предупредила я, прикрыв грудь скрещёнными руками.

— Я с добром, — лениво отозвался Мстислав. — Чистые вещи принёс.

— Молодец. Складывай и уходи.

— Варя...

— Пошёл вон отсюда.

Молчание. А потом — шаг. Я услышала, как он положил свёрток на камень. Не уходил. Ждал. Конечно ждал. Когда ты хищник, ты всегда ждёшь.

— Чего я там не видел? — пробормотал он наконец, с тем самым тоном, от которого хочется бить по лицу, даже если это лицо красиво и brutally воняет властью.

Я повернула голову ровно настолько, чтобы он уловил взгляд. — Чего бы ты там ни видел — второй раз точно не увидишь.

Он сплюнул в траву. Не зло. Просто — поставил метку. — Посмотрим. Моя ты, Варвара.

— Да щаз, — фыркнула я. — Я сама не знаю, чья я. Но точно не твоя, князь.

— Разберемся чья... — сказал он. — Вначале выжить надо.

И ушёл. Конечно ушёл. Чтобы вернуться.

Ночь — это не тьма. Ночь — это шелест. Шепот. Скрип зубов в тревожной тишине. Это когда у костров сидят не люди, а подозрения, завернутые в шкуры и кости. Лес затаился, но лагерь — нет. Он бурлит, как ведьмин котёл на поминках. Шёпоты в нём — как комары в болоте: раздражают, жалят, но никто не решается хлопнуть ладонью. Я сижу у своего костра, не греясь, не думая, просто вдыхаю запах дыма, земли и немытой подлости, которая витает над этими людьми. Потому что сегодня — не просто тревожно. Сегодня кто-то

принёс новость. И, судя по взглядам, этот кто-то не просто проболтался, он швырнул в огонь порох и теперь ждёт, когда всё рванёт.

Кто-то слышал от гонца, пересекавшего границу без языка — в прямом смысле, язык ему отрезали, но глаза у него бегали, как мыши в амбаре, а пальцы складывались в знаки, от которых мороз шёл по спине. Кто-то утверждает, что ему это шепнул лесной дух — правда, дух был пьяный, вонял болотом и бился головой о дерево, как будто пытался выгнать из себя мысли. Кто-то поклялся, что бабка во сне пришла и сказала: "Император кость твою ищет, внученька. Не будь душой — беги." А кто-то просто знал. Потому что такие вещи не остаются в тени. Они пахнут. Как гниющая власть. Как страх в поте.

Император — вонючий паук в золотом тереме — объявил Варвару Медведскую вне закона. Меня. Поздравляю. Кто ж ещё. Пора бы привыкнуть, что я теперь хождение в смертный приговор. Только вот формулировка забавная: Как на базаре. Как на откормленного кабана. Сколько стоит моя голова? Столько-то монет. А если с глазами? Ещё пятак. А если с руками? Да на органы пойдут. За мной идут не просто враги. Идут все. Кому скучно. Кому надоело жить честно. Старые кланы, вырождающиеся с гербами и гнилыми душами, князья, мечтающие о славе, охотники, для которых человек — это просто зверь с неудачным рылом, бывшие союзники, у которых совесть умерла в младенчестве, и новые шавки тро-

на, воспитанные в духе "кровь за хлеб, честь за чин".

Лес больше не мой. Он больше не шепчет, не укрывает, не держит. Он слышал указ. Он помнит кровь. А я, как оказалось, не та, кого можно прятать. Я — огонь. А огонь нельзя засунуть под мох и сделать вид, что он — искра. Я сижу, и весь лагерь шепчет. Говорят — обо мне. Думают — о себе. Кто-то прикидывает, сколько стоит моя смерть. Кто-то уже решил, что шепнёт, если его спросят. Кто-то надеется, что я уйду сама. И никто не говорит вслух. Потому что шёпот — последняя вежливость, которую мне готовы оказать перед тем, как продать.

И я слушаю. Слушаю — и чувствую, как во мне шевелится что-то древнее. Как шерсть под кожей встаёт дыбом. Как зверь, проснувшийся во мне, расправляет плечи. Не от страха. От раздражения. Потому что охота открыта. Только все эти идиоты думают, что охотятся они. А может, стоит напомнить, кто здесь на самом деле — хищник.

У костра запах не дыма — подозрения. Он вяжет горло, щиплет глаза, оседает на коже, как мелкая зола недоверия. Костёр трещит, языки пламени пляшут, а вокруг — не люди, а волки на задних лапах, с рожами, замазанными грязью, в которых вдруг зажглось что-то новое. Не уважение, нет. Расчёт. Простой, мясной, безэмоциональный, как у мясника перед весами: сколько в ней мяса, сколько крови, сколько золота принесёт её шея, аккуратно отделённая от тела и в мешочке с гербом доставленная в ближайший пост Империи. Я

чувствую, как на мне висят взгляды. Не прямые, нет, хитрые, угловатые. Как нож, спрятанный в рукаве. Никто не говорит вслух, но все считают. Я — не человек. Я — лот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.